

Перспективные направления совершенствования политики деофшоризации: мировая и российская практика

Тригуб Екатерина Юрьевна

Аспирант, ORCID: 0000-0002-0743-8203, e-mail: ekatrigub@mail.ru

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Россия

Аннотация

Целью статьи является выявление актуальных направлений и разработок предложений в сфере деофшоризации экономики. В современных реалиях осуществление политики деофшоризации стало важным направлением деятельности как различных международных институтов, так и государств. Необходимость реализации политики деофшоризации обусловлена потребностью борьбы с негативными последствиями функционирования офшорных юрисдикций, с существующей недобросовестной налоговой конкуренцией, а также содействием отмыванию денежных средств и финансированием терроризма. На основании анализа современных тенденций антиофшорной политики автором были предложены актуальные меры по деофшоризации национальной экономики, часть из которых потенциально может быть распространена в общемировом масштабе. Ключевые направления модернизации политики деофшоризации связаны с повышением транспарентности и межгосударственным сотрудничеством по вопросам деофшоризации. В работе применены методы логического и статистического анализа.

Ключевые слова

Политика деофшоризации, офшорные юрисдикции, модернизация антиофшорных мер, налоговая прозрачность, агрессивное налоговое планирование, многонациональные компании, ОЭСР

Для цитирования: Тригуб Е.Ю. Перспективные направления совершенствования политики деофшоризации: мировая и российская практика // Вестник университета. 2023. № 1. С. 170–178.

Promising trends to improve the deoffshorization policy: world and Russian practice

Ekaterina Yu. Trigub

Postgraduate Student, ORCID: 0000-0002-0743-8203, e-mail: ekatrigub@mail.ru

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

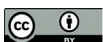
Abstract

The purpose of this article is to identify current trends and development proposals in the field of economy deoffshorization. In the modern world, deoffshorization is an important direction of activity for both various international institutions and countries. The need to implement a deoffshorization policy is due to the necessity to combat negative consequences of offshore jurisdictions functioning: the existing unfair tax competition, as well as promotion of money laundering and financing of terrorism. Based on the analysis of current trends in anti-offshore policy, the author proposes topical measures to deoffshorize the national economy, some of which could potentially be distributed on a global scale. Key trends of the deoffshorization policy modernization are related to increased transparency and interstate cooperation on deoffshorization issues. The methods of logical and statistical analysis are used in the study.

Keywords

Deoffshorization policy, offshore jurisdictions, anti-offshore measures modernization, tax transparency, aggressive tax planning, multinational companies, OECD

For citation: Trigub E.Yu. (2023) Promising trends to improve the deoffshorization policy: world and Russian practice. *Vestnik universiteta*, no. 1, pp. 170–178.

ВВЕДЕНИЕ

По мере распространения офшорных юрисдикций и появления осознания негативных последствий их функционирования у мирового сообщества, принятие мер по деофшоризации стало неотъемлемой частью экономической политики. Необходимость реализации политики деофшоризации обусловлена потребностью борьбы с уклонением от уплаты налогов, утечкой капиталов и отмыванием теневых денежных средств.

При этом необходимо подчеркнуть, что для России, как и иных стран-доноров капиталов в офшорные юрисдикции, особенно актуальна реализация комплексной и эффективной политики деофшоризации. Согласно оценке Bloomberg, в офшорные юрисдикции за 1994–2018 гг. поступило российских активов на сумму 750 млрд долл. США [1]. Доклад Tax Justice Network за 2020 г. свидетельствует о том, что из-за уклонения от уплаты налогов российскими компаниями и сокрытия активов гражданами страны в офшорных юрисдикциях за год государственный бюджет недополучил 5,1 млрд долл. США. Наиболее сильный материальный ущерб бюджету нанесли именно многонациональные компании (далее – МНК), поскольку они уклонились от уплаты налогов на сумму более 4,7 млрд долл. США. Остальная часть налоговых потерь в размере почти 0,4 млрд долл. США пришлось на физические лица [2]. Вполне закономерно, что уклонение от налогообложения оказывает негативный эффект на экономику России, так как оно имеет прямое влияние на формирование доходной части бюджета.

Несмотря на то что на сегодняшний день в рамках политики деофшоризации Российской Федерацией принято немало мер, к сожалению, вышеуказанные статистические данные подтверждают недостаточность этих мероприятий для эффективной борьбы с офшорными юрисдикциями. Активное использование офшорных юрисдикций российскими резидентами продолжает негативно сказываться на экономическом развитии страны. В этой связи необходимо постоянно совершенствовать меры по деофшоризации экономики.

ПОВЫШЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ ПРОЗРАЧНОСТИ

В первую очередь, важным направлением развития антиофшорных мер, по мнению автора, является модернизация мероприятий в сфере повышения информационной (в том числе налоговой) прозрачности. Прозрачность налогообложения и обмен информацией лежат в основе глобальных усилий, направленных на борьбу с агрессивным налоговым планированием МНК. В последние годы прослеживается общемировая тенденция по увеличению транспарентности ведения бизнеса, трансграничных операций, а также идентификации собственников активов. Важнейшие международные акторы антиофшорных мер – Организация экономического сотрудничества и развития (далее – ОЭСР), Группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег и Европейский союз (далее – ЕС) – регулярно разрабатывают меры и ужесточают требования существующих инициатив для того, чтобы препятствовать сохранению анонимности и конфиденциальности.

В 2014 г. ОЭСР приняла меру, предписывающую осуществлять автоматический обмен финансовой и налоговой информацией странам по Единому стандарту отчетности. Подразумевалось, что увеличение налоговой прозрачности в данном случае будет достигнуто за счет обмена юрисдикциями информацией об активах и счетах физических и юридических лиц друг с другом в автоматическом режиме.

В рекомендациях Плана BEPS (англ. Base Erosion and Profit Shifting – размывание налогооблагаемой базы и вывод прибыли из-под налогообложения) тоже присутствуют положения, касающиеся повышения транспарентности хозяйственной деятельности. Например, тринадцатая рекомендация Плана BEPS содержит предписания по ведению пострановой отчетности в отношении МНК. Корпорациям необходимо раскрывать информацию о результатах их деятельности во всех странах ведения бизнеса согласно унифицированному формату отчетности [3].

Четвертая «антиотмывочная» директива Европейского союза от 20 мая 2015 г. предписала странам-членам ЕС сформировать реестры конечных бенефициаров компаний [4]. В рамках этой директивы доступ к реестрам предоставлялся лишь ограниченному числу заинтересованных лиц, и только с вступлением в силу пятой «антиотмывочной» директивы доступ к реестрам бенефициарных владельцев компаний стал публичным. Это лишь малая часть современных мер по деофшоризации, которые связаны с борьбой с офшорными юрисдикциями за счет повышения информационной прозрачности.

Помимо фактической деятельности международных институтов в данном направлении, некоторые исследователи в своих работах подчеркивают важность устранения секретности. Так, С. Макленнан приходит к выводу о том, что ключевой характерной чертой налогового убежища является наличие секретности. Ученый утверждает, что без ликвидации секретности нельзя решить проблему, связанную с функционированием налоговых убежищ [5]. В данном случае? он говорит о борьбе с секретностью именно в офшорных юрисдикциях, однако в связи с тем, что акторами в офшорной финансовой сети являются, зачастую, субъекты из оншорных государств (МНК, богатые частные лица), то увеличение уровня транспарентности важно осуществлять во всех без исключения странах в общемировом масштабе. Более того, оншорным юрисдикциям несправедливо требовать соблюдения предписаний по повышению транспарентности от офшорных юрисдикций, если они сами им не следуют.

По мнению автора, одним из актуальных направлений совершенствования политики деофшоризации российской экономики, связанных с повышением информационной прозрачности, является формирование реестра конечных бенефициарных владельцев компаний (фондов). Ключевая цель данного нововведения – установление личности, которая является истинным собственником сложной корпоративной структуры.

Что касается действующего законодательства по данному аспекту, то в законе от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ дана дефиниция термина «бенефициарный владелец», также закон от 23 июня 2016 г. № 215-ФЗ предписывает юридическим лицам владеть сведениями о своих бенефициарах, обновлять и хранить информацию о них в течение пяти лет [4]. Однако в нормативно-правовых актах отсутствует требование к юридическим лицам по самостоятельному предоставлению сведений о своих бенефициарных собственниках в уполномоченные органы. В связи с этим необходимо внести соответствующие изменения в российское законодательство.

Подразумевается, что доступ к реестру конечных бенефициаров будут иметь только отдельные уполномоченные государственные органы (например, Федеральная налоговая служба Российской Федерации), а также правоохранительные органы. Таким образом, в отличие от ряда государств (стран-членов ЕС, британских заморских территорий), где эти реестры находятся в открытом (публичном) доступе [6], в России доступ к реестру будет только у определенного круга заинтересованных лиц. Основная информация о бенефициаре будет включать паспортные данные и сведения о доле владения. Более того, если негативная политика Запада в отношении России, усилившаяся из-за специальной военной операции на Украине в 2022 г., изменится и возобновится международное сотрудничество в нормальном режиме, то в перспективе для повышения транспарентности станет возможным создание общемировой единой базы реестров бенефициаров юридических лиц государств.

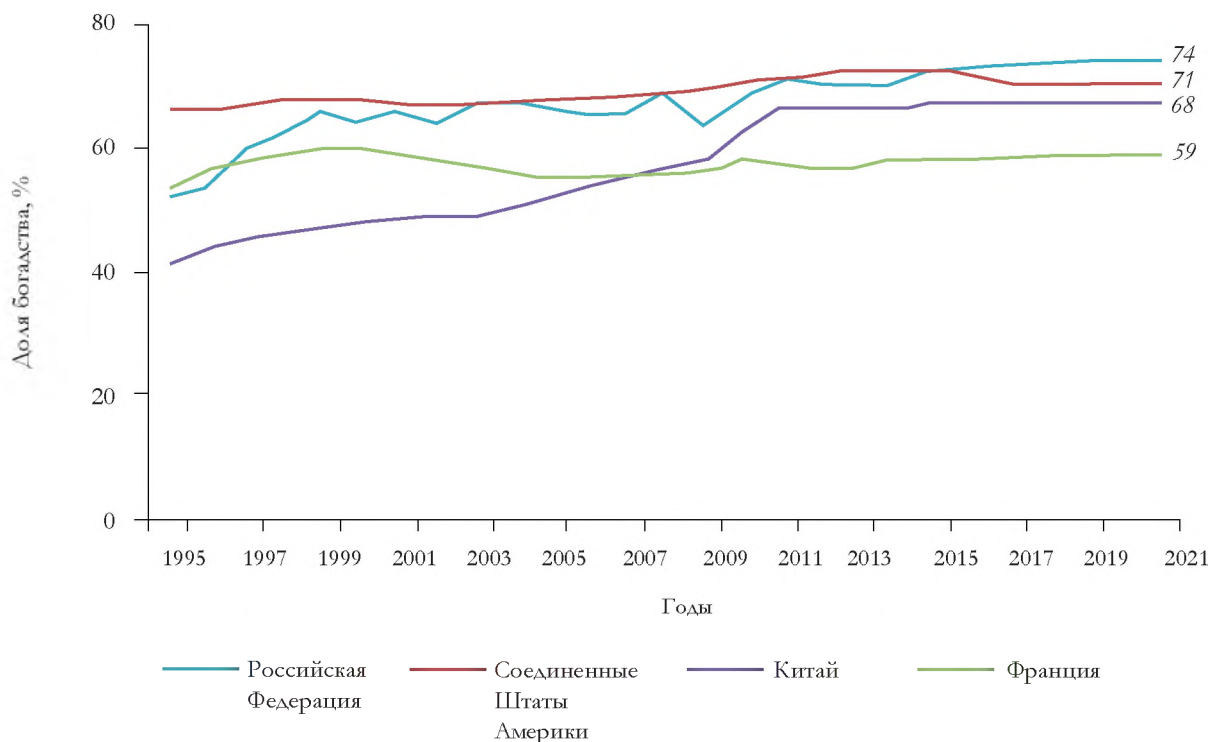
К сожалению, с февраля 2022 г. из-за введения новых западных санкций против России и ответных контрсанкций прежние деловые отношения с рядом иностранных партнеров, в числе которых США, Канада, государства-члены ЕС, были нарушены. Негативный эффект от санкций для России очевиден, поскольку ограничительные мероприятия включали заморозку значительной части золотовалютных резервов России, отключение российских банков от SWIFT (англ. Society for Worldwide Interbank Financial Telecommunication – Общество всемирных межбанковских финансовых каналов связи) и т.п. [7].

В текущей ситуации сложно предугадать скорость и порядок дальнейшего возобновления деловых связей России с другими государствами, однако появление осознанности в отношении необходимости прекращения санкционной войны с Россией со стороны ряда видных иностранных политических деятелей дает основание предположить, что рано или поздно возможно возобновление сотрудничества. Так, премьер-министр Венгрии В. Орбан отметил, что санкции против России спровоцировали нестабильность в ЕС, и для урегулирования ситуации необходимо прекратить ужесточение санкций и начать налаживать более тесные деловые связи с Россией [8]. Исходя из этого, автор не исключает возможности реализации определенных перспективных антиофшорных инициатив в дальнейшем не только на национальном уровне, но и в общемировом масштабе.

Еще одним направлением модернизации антиофшорных мер в России является создание реестра активов физических лиц. Реестр активов представляет собой общую базу данных, включающую сведения обо всех активах домохозяйств. В реестр активов подразумевается включение информации о счетах, доходах, различных видах собственности физических лиц: транспортных средствах, недвижимости, интеллектуальной собственности. В настоящее время все сведения об активах хранятся у различных субъектов (например, банков, частных компаний, государственных органов), то есть разрознено, что усложняет

контроль над активами. Создание единого реестра активов физических лиц позволит решить эту проблему. Примечательно, что данная инициатива коснется в первую очередь состоятельных граждан, поскольку на их долю приходится преобладающая часть богатства частных лиц.

В связи с тем, что степень имущественного неравенства в России высока, то 10 % богатейших домохозяйств в 2021 г. владели порядка 74 % от общего объема богатств всех граждан (рис.1). В других странах самые состоятельные физические лица владели меньшей долей богатств: в США – порядка 71 %, в Китае – около 68 %, а во Франции – менее 60 %. При этом если в 1995 г. в России на 10 % самых состоятельных граждан приходилось около 53 % всего богатства, то к 2021 г. значение этого показателя значительно увеличилось до 74 %. При этом большая часть, а именно до 2/3 активов богатейших граждан России находятся в офшорных юрисдикциях [10].

Источник: [9]

Рис.1. Доля богатства домохозяйств 10 % богатейших граждан по странам за 1995–2021 гг.

По аналогии с реестром бенефициарных владельцев компаний в случае стабилизации международных отношений России с рядом стран, ухудшившихся в связи с украинскими событиями 2022 г., в дальнейшем приоритетным направлением деофшоризации может стать формирование единого глобального реестра активов.

Кроме того, еще одним способом повышения информационной прозрачности послужит изменение в отражении статистических данных по прямым инвестициям, а также внешнеторговым операциям. Согласно существующей методологии мегарегулятора, прямые инвестиции отражают информацию и учитывают только первые государства-реципиенты, однако зачастую они фактически не всегда являются конечными получателями инвестиций. Из-за «круговых» инвестиций данные отдельных юрисдикций (например, Кипра) не соответствуют истинным значениям, то есть они завышены [11]. Однако есть страны, в которых эта проблема отсутствует в связи с отражением статистики с учетом первых, а также последних реципиентов. Ярким примером является Германия [12]. Аналогичные сложности присутствуют и при отражении статистических данных по внешнеторговым операциям. Отсюда предлагается скорректировать методологию отражения статистики по прямым инвестициям и внешнеторговым операциям и включать информацию не только по первым юрисдикциям-реципиентам, но и конечным. Это упростит контроль за движением капиталов и позволит идентифицировать их реальных получателей.

МЕЖГОСУДАРСТВЕННОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ПО ВОПРОСАМ ДЕОФШОРИЗАЦИИ

Помимо повышения транспарентности важным направлением осуществления комплексной деофшоризации является ее реализация не только на национальном уровне, то есть со стороны России, но и на межгосударственном уровне. Ряд исследователей, как зарубежных, так и российских, неоднократно подчеркивали необходимость и эффективность реализации политики национальной деофшоризации без отрыва от межправительственной деятельности различных государств в данной сфере.

Так, Я. Савульски на примере государств ЕС отмечает, что борьба с уклонением от уплаты налогов из-за офшорных юрисдикций, влекущая за собой необходимость создания справедливой налоговой системы, стала в современных условиях не столько национальной задачей, сколько международной. Так как физические и юридические лица зачастую осуществляют свою хозяйственную деятельность за пределами страны резидентства, то государствам необходима адаптация налоговых систем к сложившейся ситуации, а также выход за рамки национальных нормативно-правовых актов. Пока принятых межгосударственных мер недостаточно, поскольку в ЕС до сих пор существуют налоговые гавани – Ирландия, Люксембург, Мальта и Кипр – которые усугубляют существующую проблему уклонения от уплаты налогов, благодаря действующему на их территориях законодательству [13].

Кроме того, Б.А. Хейфец в докладе 2022 г., посвященном введению глобального минимального корпоративного налога, подчеркнул, что полноценная деофшоризация российской экономики «невозможна без глобальной деофшоризации и широкого международного сотрудничества» [14, с. 54]. Е.Н. Горлова акцентирует внимание на проблеме противодействия недобросовестной налоговой конкуренции, которую государства решают за счет следования рекомендациям ОЭСР в этой сфере и принятия соответствующего национального законодательства, внесения изменений в двухсторонние и многосторонние налоговые соглашения, а также международного сотрудничества. При этом более эффективным при борьбе с недобросовестной налоговой конкуренцией является принятие мер именно на международном уровне, а не национальном [15].

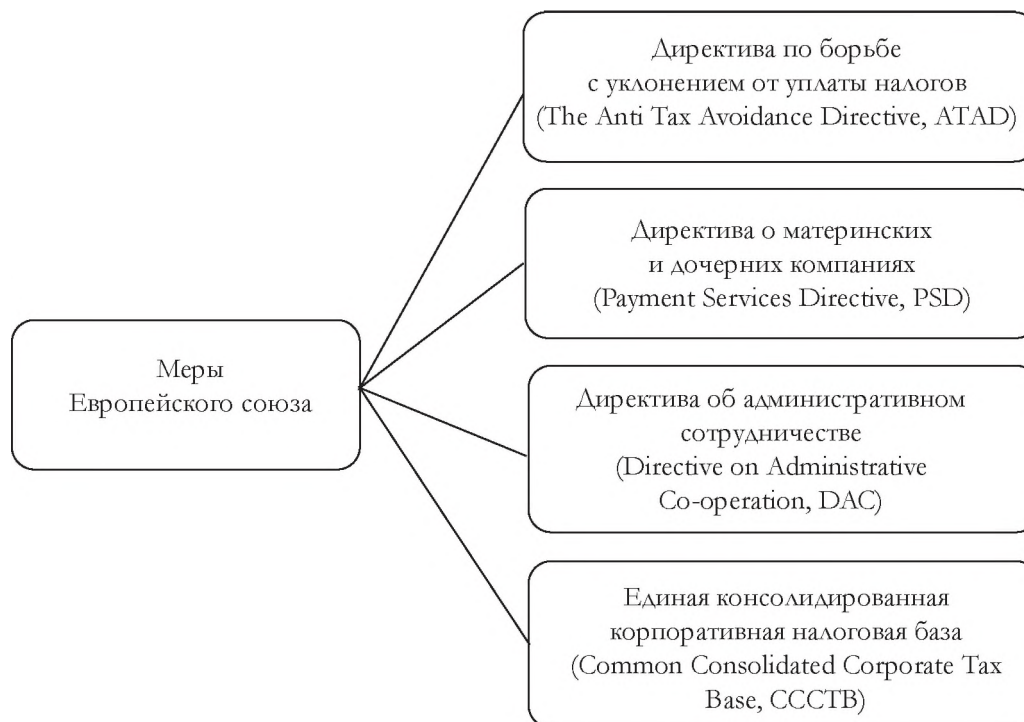
Несмотря на очевидную важность проведения антиофшорной политики в рамках постоянного сотрудничества России с другими странами, к сожалению, из-за введенных и постоянно усиливающихся санкций против России со стороны Запада гарантировать ее беспрепятственное осуществление невозможно. Безусловно, при нормальных геополитических условиях реализация деофшоризации российской экономики подразумевалась, в частности, за счет международного сотрудничества в общемировом масштабе. Однако в качестве альтернативы шагом к осуществлению деофшоризации вне государственных границ является сотрудничество с дружественными по отношению к России странами на региональном уровне.

По мнению автора, наиболее рациональной является реализация сотрудничества в сфере деофшоризации, в первую очередь, в рамках уже существующего регионального интеграционного объединения с участием России – Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС). Именно ЕАЭС в настоящее время удастся наиболее комплексно решать задачи и проблемы в рамках евразийской интеграции. Выбор данного объединения обусловлен исторически сложившейся культурной и идеологической близостью стран-участников ЕАЭС постсоветского пространства: России, Казахстана, Армении, Кыргызстана и Белоруссии. Примечательно, что ни одно из государств-партнеров России по ЕАЭС не вошло в перечень недружественных стран, в отличие от США или стран ЕС [16], а значит, с ними сохраняются хорошие деловые связи.

Помимо ЕАЭС в качестве альтернативного варианта для сотрудничества по вопросам деофшоризации может также выступать Шанхайская организация сотрудничества (далее – ШОС). Страны-участники ШОС в совокупности образуют сильное и влиятельное ядро евразийского пространства. Общая численность населения государств-членов ШОС с учетом присоединившихся в 2017 г. Индии и Пакистана составляет 64 % всего населения мира. Именно ШОС в состоянии претендовать на участие в решении глобальных вопросов в связи с возможностью выхода за пределы региональных компетенций, что уже реализуется на практике [17].

Показательным примером эффективности реализации политики региональной деофшоризации является ЕС. За последние несколько лет ЕС было разработано множество антиофшорных мер, которые отвечают современным тенденциям развития. Многие из них уже были признаны специалистами действенными, другие в силу относительно недавнего принятия только предстоит внедрить и оценить их эффективность.

Ключевые мероприятия ЕС по борьбе с агрессивными механизмами налоговой оптимизации и недобросовестной налоговой конкуренцией представлены на рис. 2. Каждое из них имеет свою направленность и характерные черты.

Источник: [18]

Рис. 2. Меры Европейского союза по борьбе с агрессивным налоговым планированием и вредоносной налоговой практикой

Так, основной целью Директивы по борьбе с уклонением от уплаты налогов (англ. The Anti Tax Avoidance Directive, ATAD) является имплементация рекомендаций плана BEPS в национальное законодательство стран-членов ЕС, а именно правил контролируемых иностранных компаний, правил в отношении гибридных инструментов, «налогообложения на выход» и ограничения процентных расходов [19].

В свою очередь, основная цель Директивы об административном сотрудничестве (англ. Directive on Administrative Co-operation, DAC) заключается во внедрении требований по обязательному раскрытию информации о трансграничных сделках, которым присущи признаки агрессивного налогового планирования [20]. При этом последние поправки к данной директиве касаются, например, введения актуальных положений в отношении обязательного предоставления операторами цифровых (онлайн-) платформ отчетностей по поводу хозяйственной деятельности продавцов товаров и услуг, использующих данные платформы. Более того, новые положения директивы также накладывают обязательства на поставщиков и эмитентов криптоактивов по раскрытию информации о них [21]. Однако восьмая редакция Директивы об административном сотрудничестве не стала первым документом, затрагивающим проблемы обращения криптоактивов.

Ранее, в пятой антиотмывочной директиве ЕС было дано определение термину «виртуальная валюта»; провайдеров электронных кошельков и площадки обмена виртуальных валют обязали осуществлять идентификацию клиентов, а также уведомлять правоохранительные органы о фактах подозрительной активности [22]. Таким образом, деятельность в сфере деофшоризации в рамках ЕС отвечает современным тенденциям развития экономики, что делает ее достаточно действенной.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Несмотря на то что на текущий момент принято достаточно много мер по деофшоризации, к сожалению, оценки различных авторитетных агентств и организаций (Bloomberg, Tax Justice Network) лишь подчеркивают необходимость доработки, актуализации и модернизации текущей политики деофшоризации. В связи с этим, по мнению автора, приоритетными направлениями для совершенствования политики деофшоризации российской экономики являются меры по повышению информационной

прозрачности (создание реестра конечных бенефициаров компаний, реестра активов, отражение статистики по внешнеторговым сделкам и прямым инвестициям с учетом первых и конечных реципиентов), а также реализации межгосударственного сотрудничества на региональном уровне в рамках ЕАЭС, ШОС. Ряд антиофшорных инициатив – создание общего реестра бенефициаров и реестра активов физических лиц – в случае возобновления нормальных деловых отношений России с иностранными государствами в дальнейшем можно распространить на глобальный уровень.

Библиографический список

1. Johnson S. Capital Flight From Russia Carries \$750 Billion Price Tag. *Bloomberg*. Thursday 12 March 2019. <https://www.bloomberg.com/news/articles/2019-03-12/capital-flight-from-russia-carries-750-billion-price-tag-chart> (accessed 09.11.2022).
2. Tax Justice Network. *The State of Tax Justice 2020: Tax Justice in the time of COVID-19*; 2020. https://taxjustice.net/wp-content/uploads/2020/11/The_State_of_Tax_Justice_2020_ENGLISH.pdf (accessed 09.11.2022).
3. Joshi P. Does Private Country-by-Country Reporting Deter Tax Avoidance and Income Shifting? Evidence from BEPS Action Item 13. *Journal of Accounting Research*. 2020;58(2):333–381. <https://doi.org/10.1111/1475-679X.12304>
4. Зыкова О.А. Реестр конечных бенефициаров как правовой механизм отслеживания реального владельца компании. Опыт в России и за рубежом. *Вестник Костромского государственного университета*. 2020;26(1):178–183. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-1-178-183>
5. MacLennan S. Information, power and the fight against tax havens. In: Ryder N., Pasculli L. (eds.) *Corruption, Integrity and the Law: Global Regulatory Challenges*. Abingdon: Routledge; 2020. P. 206–218.
6. Knobel A., Harari M., Meinzer M. *The State of Play of Beneficial Ownership Registration: A Visual Overview*. Tax Justice Network; 2018. 65 p. <https://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3204532>
7. Минакир П.А. Мировая экономика: идеальный шторм. *Пространственная экономика*. 2022;18(2):7–37. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2022.2.007-037>
8. Kasnyik M. Defiant Orban Doubles Down on Russia Policy, Arch-Conservatism. *Bloomberg*. Saturday 23 July 2022. <https://www.bloomberg.com/news/articles/2022-07-23/defiant-orban-doubles-down-on-russia-policy-arch-conservatism> (accessed 15.11.2022).
9. World Inequality Database. *Top 10% net personal wealth share*; 2021. https://wid.world/world/#shweal_p90p100_z/US;FR;CN;RU/last/eu/k/p/yearly/s/false/39.083000000000006/100/curve/false/country (accessed 15.11.2022).
10. Alstadsæter A., Johannesen N., Zucman G. Who Owns the Wealth in Tax Havens? Macro Evidence and Implications for Global Inequality. *Journal of Public Economics*. 2018;162:89–100. <https://doi.org/10.1016/j.jpubeco.2018.01.008>
11. Кузнецов А.В. Методы оценки прямых российских инвестиций за рубежом. *Экономическая наука современной России*. 2018;(4):37–50.
12. Грачева М.В. Прямые инвестиции развитых стран в ФРГ: анализ статистики германского федерального банка. *Финансы и кредит*. 2014;9(585):34–44.
13. Sawulski J. *Tax unfairness in the European Union: Towards greater solidarity in fighting tax evasion*. Warsaw: Polish Economic Institute; 2020. 26 p. https://pie.net.pl/wp-content/uploads/2018/07/PIE_Report_Tax_Havens_EU.pdf (accessed 15.11.2022)
14. Хейфец Б.А. *Новый этап деофшоризации глобальной экономики и российские реалии: доклад*. М.: Институт экономики Российской академии наук; 2022. 64 с.
15. Горлова Е.Н. Противодействие недобросовестной налоговой конкуренции: рекомендации ОЭСР и опыт России. *Актуальные проблемы российского права*. 2017;11:84–90. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2017.84.11.084-090>
16. Российская Федерация. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 05.03.2022 № 430-р «Об утверждении перечня иностранных государств и территорий, совершающих недружественные действия в отношении Российской Федерации, российских юридических и физических лиц». http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_411064/e8730c96430f0f246299a0cb7e5b27193f98fdaa/ (дата обращения: 14.11.2022).
17. Куряев К.П., Малышев Д.В., Хотивришвили А.А., Шабловский В.С. ШОС и ЕАЭС в контексте Евразийской интеграции. *Мировая экономика и международные отношения*. 2021;65(2):81–88 <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-2-81-88>
18. European Commission, Directorate-General for Taxation and Customs Union, Renda A., Simonelli F., De Groen W., et al. *Reflections on the EU objectives in addressing aggressive tax planning and harmful tax practices: final report*. European Union: Publications Office; 2020. 145 p. <https://data.europa.eu/doi/10.2778/39958>
19. European Union. *Council Directive (EU) 2016/1164 of 12 July 2016 laying down rules against tax avoidance practices that directly affect the functioning of the internal market*. <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/TXT/?uri=celex:32016L1164> (accessed 15.11.2022).
20. European Union. *Council Directive 2011/16/EU of 15 February 2011 on administrative cooperation in the field of taxation and repealing Directive 77/799/EEC*. <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/ALL/?uri=CELEX%3A32011L0016> (accessed 15.11.2022).

21. PWC. *DAC 7 and DAC 8: A new set of rules to expand reporting obligations for more tax transparency to the digital economy and crypto environments*, 2021. <https://www.pwc.lu/en/newsletter/2021/dac-7-dac-8.html> (accessed 14.11.2022).
22. Covolo V. *The EU Response to Criminal Misuse of Cryptocurrencies: The Young, Already Outdated 5th Anti-Money Laundering Directive*. University of Luxembourg Law Working Paper; 2019. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3503535>

References

1. Johnson S. Capital Flight From Russia Carries \$750 Billion Price Tag. *Bloomberg*. Thursday 12 March 2019. <https://www.bloomberg.com/news/articles/2019-03-12/capital-flight-from-russia-carries-750-billion-price-tag-chart> (accessed 09.11.2022).
2. Tax Justice Network. *The State of Tax Justice 2020: Tax Justice in the time of COVID-19*; 2020. https://taxjustice.net/wp-content/uploads/2020/11/The_State_of_Tax_Justice_2020_ENGLISH.pdf (accessed 09.11.2022).
3. Joshi P. Does Private Country-by-Country Reporting Deter Tax Avoidance and Income Shifting? Evidence from BEPS Action Item 13. *Journal of Accounting Research*. 2020;58(2):333–381. <https://doi.org/10.1111/1475-679X.12304>
4. Zykova O.A. Register of ultimate beneficiaries as a legal mechanism for tracking the real owner of the company. Experience in Russia and abroad. *Vestnik of Kostroma State University*. 2020;26(1):178–183. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-1-178-183>
5. MacLennan S. Information, power and the fight against tax havens. In: Ryder N., Pasculli L. (eds.) *Corruption, Integrity and the Law: Global Regulatory Challenges*. Abingdon: Routledge; 2020. P. 206–218.
6. Knobel A., Harari M., Meinzer M. *The State of Play of Beneficial Ownership Registration: A Visual Overview*. Tax Justice Network; 2018. 65 p. <https://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3204532>
7. Minakir P.A. The World Economy: The Perfect Storm. *Spatial Economics*. 2022;18(2):7–37. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2022.2.007-037>
8. Kasnyik M. Defiant Orban Doubles Down on Russia Policy, Arch-Conservatism. *Bloomberg*. Saturday 23 July 2022. <https://www.bloomberg.com/news/articles/2022-07-23/defiant-orban-doubles-down-on-russia-policy-arch-conservatism> (accessed 15.11.2022).
9. World Inequality Database. *Top 10% net personal wealth share*, 2021. https://wid.world/world/#shweal_p90p100_z/US;FR;CN;RU/last/eu/k/p/yearly/s/false/39.083000000000006/100/curve/false/country (accessed 15.11.2022).
10. Alstadsæter A., Johannesen N., Zucman G. Who Owns the Wealth in Tax Havens? Macro Evidence and Implications for Global Inequality. *Journal of Public Economics*. 2018;162:89–100. <https://doi.org/10.1016/j.jpubeco.2018.01.008>
11. Kuznetsov A.V. Evaluation methods of Russian direct investments abroad. *Economics of Contemporary Russia*. 2018;(4):37–50.
12. Gracheva M.V. Direct investments of developed countries in Germany: analysis of the German federal bank's statistics. *Finance and credit*. 2014;9(585):34–44.
13. Sawulski J. *Tax unfairness in the European Union: Towards greater solidarity in fighting tax evasion*. Warsaw: Polish Economic Institute; 2020. 26 p. https://pie.net.pl/wp-content/uploads/2018/07/PIE_Report_Tax_Havens_EU.pdf (accessed 15.11.2022)
14. Kheyfets B.A. *New Stage of Deoffshorization of the Global Economy and Russian realities: Scientific report*. Moscow: Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences; 2022. (In Russian).
15. Gorlova E.N. Unfair Tax Competition Counteraction: The OECD Recommend Actions and Russian Experience. *Actual Problems of Russian Law*. 2017;11:84–90. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2017.84.11.084-090>
16. Russian Federation. *Resolution of the Government of the Russian Federation dated 5 March 2022 No 430-r «On approval of the list of foreign states and territories committing unfriendly acts against the Russian Federation, Russian legal entities and individuals»*. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_411064/e8730c96430f0f246299a0cb7e5b27193f98fdaa/ (accessed 14.11.2022).
17. Kurylev K.P., Malyshev D.V., Khotivirshvili A.A., Shablovskii V.S. SCO and EAEU in the context of Eurasian integration. *World Economy and International Relations*. 2021;65(2):81–88 <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-2-81-88>
18. European Commission, Directorate-General for Taxation and Customs Union, Renda A., Simonelli F., De Groen W., et al. *Reflections on the EU objectives in addressing aggressive tax planning and harmful tax practices: final report*. European Union: Publications Office; 2020. 145 p. <https://data.europa.eu/doi/10.2778/39958>
19. European Union. *Council Directive (EU) 2016/1164 of 12 July 2016 laying down rules against tax avoidance practices that directly affect the functioning of the internal market*. <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/TXT/?uri=celex:32016L1164> (accessed 15.11.2022).
20. European Union. *Council Directive 2011/16/EU of 15 February 2011 on administrative cooperation in the field of taxation and repealing Directive 77/799/EEC*. <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/ALL/?uri=CELEX%3A32011L0016> (accessed 15.11.2022).
21. PWC. *DAC 7 and DAC 8: A new set of rules to expand reporting obligations for more tax transparency to the digital economy and crypto environments*, 2021. <https://www.pwc.lu/en/newsletter/2021/dac-7-dac-8.html> (accessed 14.11.2022).
22. Covolo V. *The EU Response to Criminal Misuse of Cryptocurrencies: The Young, Already Outdated 5th Anti-Money Laundering Directive*. University of Luxembourg Law Working Paper; 2019. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3503535>